

Вяч. Иванов

Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме

Москва, 1905. Книгоиздательство "Гриф"

Что ни стихотворение -- из тех, где отсветился лик Прекрасной Дамы -- то мелодический вздох, полузабытая песня за холмом зеленым, -- в сладостной муке прислушивается к ней сердце, сжимаясь родною тоской. "Безжеланная", тающая в светлых тонах поэзия, подобная истончившемуся восковому лицу над парчой погребальной, -- горящая, как восковая свеча, загадочная, как вещей узор ярого воску в чаше с чистою водой... Красочные пятна и заревые мерцания -- словно лихорадочный румянец на восковом лике... "Странные, белые намеки" -- словно бледные пальцы рук, что-то указующих любимым жестом Леонардо... Возгорения сердца, влюбленного в небесную Розу, -- молитвы одного из "бедных рыцарей"... Владимир Соловьев, этот Doctor Marianus заключительной сцены "Фауста", пророк "Вечной Женственности, идущей на землю в теле нетленном", -- первый в русской поэзии начал строить новый Парфенон, Храм Девы, -- не из пентелийского мрамора, а из алмазов снега и голубых туманов, розовых зорек и чистых звезд. Что он был большой поэт, явствует из значения его лирики для лирики преемственной. Одному культу Мировой Души в ее христианском аспекте преданы равно сангвиник -- Андрей Белый, восклицающий: "Золотая заря, Мировая душа! За тобою бежишь, весь горя, как на пир, как на пир спеша... Травой шелестишь: Я здесь, где цветы, мир вам!.. -- и бежишь, как на пир; но ты там..." -- и меланхолик с "детским сердцем", А. Блок. Что за дело, что в мастере стольких безупречных стихотворений подчас обличается художник все еще не довольно "взыскательный"! На счет этой невзыскательности можно поставить порой аморфность языка, сбивчивость образа, изредка несовершенства ритмические, как и бутафорские условности медиевизма и романтизма. Высшее требование, предъявленное поэзии Верленом: "de la musique avant toute chose", -- исполнено: везде мелодия или мелодический шепот. И трагика жизни так истинна в восприятии поэта сострадавшего; и в восприятии поэта ужаснувшегося так ужасна дикая оргия чудовищных личин жизни. И символика тоскующей природы, в которой страдальный дух ищет божественной Психеи и скорбящая, разлученная Психея ищет, смиренная, своего Эроса, близкого и тайного, -- так умирительна, так благоуханна, так мерцает уверяющею надеждой великого свершения.